

Евгений ЕВТУШЕНКО

МУЗА

ФОТОГРАФИИ

Сегодня в Пензе, в здании культпросветучилища в 16 часов начнет работу выставка художественной фотографии поэта Е. Евтушенко. Она продлится до 10 ноября.

Выставки художественной фотографии известного советского поэта, автора многих поэтических сборников, исполнителя главной роли в кинофильме «Валет» Евгений Евтушенко, статью которого мы публикуем сегодня, экспонировались в Москве и Таллине, Вильнюсе и Тбилиси, Сухуми и Риге, Иркутске и Свердловске, Челябинске, Куйбышеве, Тольяти, а также за рубежом, в Англии и Италии. Он был участником Всесоюзной выставки, посвященной XXVI съезду КПСС.

По улицам ходят миллионы людей, портреты которых никогда не напишут великие художники. Великих художников слишком мало на всех. Внутри лица каждого человека скрывается тайна его единственной жизни. Человеческое лицо — это документ истории.

Выражение «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» могло бы стать международным девизом фотографов. Только муза фотографии может останавливать мгновенье во всех исторически неосценимых деталях. «Весильный бой деталей» — это пастернаковское выражение прекрасно подходит к музе фотографии. Из деталей состоит весь огромный пульсирующий образ жизни. Но детали смогут сложиться в этот образ только если они внутри подвечены магической неслучайностью. Такую неслучайность спеления и выбора фактов может создать лишь философия.

Большой фотограф — это философ с фотоаппаратом. Фотоискусство — не только средство познания, но и осмысление познания. Муза фотографии умеет останавливать мгновения и тогда, когда они страшны, чтобы впоследствии сделать их предупреждающим уроком человечеству. Фотографии ужасов войны воздействовали на мораль человечества не меньше, чем суды над военными преступниками.

Муза фотографов любит, радуется, сострадает, ненавидит, сражается. Объектив

в равнодушных руках не может быть холодно-объективным. Фотоискусство — это исповедь фотографируемых. Фотоискусство — это бессмертие тех, мимо кого проходит живопись. Фотоискусство — это немые монологи тех, кому не дала слова литература. Коммерческая фотография — на побегушках у рекламы. Настоящее фотоискусство рекламирует тех людей, которых не рекламирует никто.

Существует информационная фотография, и она делает свое полезное дело. Наконец, существует фотография частная, дающая приятное заблуждение о приобщении к искусству при помощи целкания фотоаппаратом членов своих семей или туристских объектов. Однако некоторые любители выходят за рамки дилетанства. Они стараются ухватить заново открытую свежесть мира с языческой восторженностью. Когда это удается, муза фотографии кладет свою благословляющую ладонь на лбы дилетантов, даже не подозревающих, что хотя бы на миг они становятся великими художниками. А быть великим художником хотя бы на миг — это уже немало... Это миг, когда невидимая чистая, связывающая тебя с остальным человечеством, становится видимой.

Я всю жизнь занимался фотографией — только без фотоаппарата. С детства я учился фотографировать глазами, и у меня — прекрасная зрительная память на лица.

Когда-то, во время войны я пел песни на перроне за кусок хлеба. Одна крестьянка расплакалась, слушая меня, вынула из-за пазухи кусок хлеба, завернутый в тряпицу, осторожно, чтобы не выронить ни крошки, разломала пополам и дала мне половину, попросив спеть еще что-нибудь. Когда я спел, она так же осторожно отломала мне половину своей половинки. Лицо этой крестьянки я помню до морщинки, как будто навсегда сфотографировал ее не только глазами, но и сердцем. Если бы я был художником, я бы, наверное, никогда бы не стал абстракционистом, хотя совсем не отношусь к врагам абстрактной живописи. Я бы навряд ли рисовал пейзажи, хотя люблю природу. Я бы обязательно рисовал человеческие лица, потому что мне кажется, что ничего интересней, чем они, нет.

«Есть ли что фантастичней, чем реальность!» — когда-то сказал Достоевский. Основа поэзии — это, конечно, исповедальность самого поэта. Но большинство человечества стихов не пишет, и исповеди стольких людей исчезают вместе с их смертью так и незапечатленными. Искусство — это, может быть, единственная удавшаяся попытка победить смерть — черную пустоту исчезновения человеческих жизней. Я больше всего ценю те свои стихи, где не моя собственная исповедь, а исповедь других людей через мои стихи, когда я становлюсь их голосом, спасает их от исчезновения. Для этого нужно уметь слушать других людей, и не только слушать, но и фотографировать глазами и сердцем. Герои Достоевского — это не что иное, как великие метафорические фотографии.

Я впервые читал свою большую (4 тысячи строк) поэму о рабочих Братской ГЭС в Сибири самим рабочим. Их было в зале около

двух тысяч — многие приехали прямо с работы, не успев сменить спецодежду. На каждой большой стройке всегда много одиноких матерей, и они пришли на мое чтение, залпанные цементом и известью, захватив с собой безотцовных детей, которых не с кем было оставить дома. Одна из глав поэмы была написана в форме монолога одной из таких женщин. После того, как я кончил читать главу, в разных концах зала, как по магическому неслышному сигналу, эти женщины встали и подняли в руках своих детей, показывая их мне, как бы желая этим сказать: «Это мы... Это ты написал о нас...» Это было для меня самой высшей наградой в моей жизни. Я не писал конкретно ни об одной из этих женщин, хотя каждая из них думала, что это — про нее. Но для того, чтобы создать одну метафорическую фотографию, я должен был сфотографировать глазами и сердцем десятки из них. И они не ошиблись — это было про каждую из них. В поэзии я всегда был больше фотографом, чем живописцем. Человеческое лицо — великий документ эпохи.

Почему я занялся фотографией при помощи фотоаппарата, если занимаюсь ею и в поэзии? Я всегда любил стихи-портреты... Мне всегда было чуждо писать для узкого круга знатоков. Мне хотелось заставить читать мои стихи тех, кто обычно стихов не читает. Но, например, в переводах многое пропадает. А язык фотографиста в переводах не нуждается.

Меня сделали фотографом... фотографы. Я начинал становиться известным, и вокруг меня зацелкали фотоаппараты. Но они целкают по-разному. У фотоаппаратов настоящих художников совсем другой звук. Впервые фотоаппарат мне дал Рене

Бурри из «Магнума» во время празднеств африканского племени. Я очень старался. Бурри прислал мне проявленные снимки и сказал, что у меня есть способности. В 1973 году меня сопровождали профессионалы-фотографы японцы. Они убедили меня купить фотоаппарат, с которым я с той поры не расстаюсь. Это «Никон».

Я понял железный закон фотоискусства: чтобы сделать один хороший снимок, нужно испортить много пленки. Это то же самое, что закон черновиков в поэзии. Но, конечно, если щелкать все подряд, количество испорченной пленки не помогает. Самое главное в работе фотографа — это два качества: постоянная готовность и отбор. Увы, когда с тобой нет фотоаппарата, попадают лучшие кадры. А когда он с тобой, эти кадры прячутся. Фотоаппарат надо носить с собой всегда (я сам, честно говоря, отнюдь не следую этому правилу и поэтому теряю многое). Но бессмысленно носить фотоаппарат, если нет внятной готовности. Первый отбор должен проявляться до съемки: инстинкт, соединенный с разумом, должен подсказывать — стоит ли снимать. Если фотограф внутренне пуст, строгость отбора нарушается, ибо не контролируется никакой мыслью, никакой сверхзадачей, фотоискусство — не только средство познания, но и средство осмысления. Но так или иначе обойтись без неудачных снимков даже при прекрасных замыслах невозможно. Тогда в силу вступает второй отбор, отбор уже отснятых кадров.

Однажды я снимал около Киевского вокзала. Была тема тяжести — перегруженные сумками и узлами люди. Когда я просматривал контакты, я ахнул: на серой стене рядом с навьюченной узлами крестьянской вышивалась ее огромная, почти броненская тень. В момент съемки я этой тени не заметил. Но именно эта тень подняла мой предварительный замысел до метафоры. «Везет же идиотам...», — сказал я о себе лаборанту. Он покачал головой: «Вы не заметили тени во время съемки... Но вы заметили ее на крошечном контакте и сразу поняли, как тень будет работать при увеличении... Кое-что вы все-таки соображаете...»

У меня был другой замысел. Я хотел снять свою маму на Красной площади так, чтобы ее голова совместилась с одной из кремлевских башен. Я хотел назвать эту фотографию «Корона моей мамы». Но я то был занят другими делами, то была занята моя мама. 9 мая 1980 года я снимал один из моих любимых праздников в нашей стране — День Победы. Оказавшись на Красной площади, я увидел седую величест-

венную женщину, увешанную орденами и медалями. В этой женщине было нечто могучее, царственное. Как впоследствии выяснилось, она была одной из фронтовых летчиц. В ней я метафорически увидел и свою маму, и всех других русских женщин, наравне с мужчинами героически вынесших тяжесть Великой Отечественной войны на своих плечах. Для того, чтобы у меня получился снимок, который я сразу назвал более расширенно «Корона русской женщины», мне пришлось помучить героиню войны около часа, сняв кадров тридцать. Но когда я объяснил ей свой замысел, она поняла и очень помогла мне.

Люди не всегда любят, когда их фотографируют. Перед объективом, как правило, они хотят быть хорошо одетыми, свежесбритыми, улыбающимися. Порой, когда в момент их усталости, ненарядности, грубости они слышат щелчок неизвестно откуда появившегося фотоаппарата, им может показаться, что это делается с целью насмешки. Но фотохудожник должен преодолевать непонимание людьми своей задачи, одновременно преодолевая свою собственную застенчивость. Я больше всего люблю фотографии, неожиданно выхваченные из жизни, и меньше — фотографии, искусно отрежиссированные. Но иногда режиссура в фотоискусстве может выглядеть как подсмотренная случайность, а подсмотренная случайность, как режиссура. На реке Селенге, положив руку на весло, я около часа ждал, пока на нее сядет стрелоза, держа фотоаппарат наготове. Когда я почти сдался, стрелоза все-таки на мгновение села, и я успел ее снять.

Великий Октябрь 27 августа 1919 года утвердил за фотографией ее всенародное значение, опубликовав «Декрет о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата просвещения». Под этим декретом стояла подпись основателя нашего государства — В. И. Ленина. Но еще за год до этого декрета Луначарский, открывая в Петрограде Высший институт фотографии и фототехники, сказал: «Фотография нужна каждому на всю жизнь: она нужна ребенку во время ученья, она нужна ему, когда он будет взрослым и когда из него создается, может быть, ученый и практический деятель. Для нас важно внести благоденствие фотографии в самую народную гущу, дать ее в руки всему народу...»

Муза фотографии — муза народная.

Фотоискусство — неотрывная часть философии настоящего и будущего.